

УДК 130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.059

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИФОЛОГИЗИРОВАННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО СКАНДАЛА

В.Ю. Лебедев¹, А.М. Прилуцкий²

¹ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

²ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена», г. С.-Петербург

Информационный скандал как особая форма коммуникации позволяет участникам скандальной коммуникации задействовать стратегии языковой игры. Реализация этой стратегии позволяет перенести в виртуальную среду паттерны карнавального поведения. В результате карнавализации информационный скандал превращается в яркое, часто увлекательное игровое действие, формат которого позволяет участникам коммуникации реализовывать различные роли и игровые стратегии. В статье проанализировано восприятие информационных скандалов, обусловленных современными тенденциями в жизни западных христианских конфессий (католицизм, англиканство), формирующихся на маргиналиях православной культуры, обусловленные развитием лженаучных направлений и феноменов массовой культуры.

Ключевые слова: карнавал, информационный скандал, мифологизированный скандал, развлекательная функция.

Контент-анализ материалов, размещаемых в сети Интернет, в том числе комментариев, написанных читателями и зрителями, позволяет сделать вывод о том, что материалы, связанные со всевозможными конфликтами и скандалами, обладают особой востребованностью: их весьма охотно читают, смотрят и комментируют. Привлекательность скандала как особой формы коммуникации, безусловно, имеет психологические причины, но она не может быть полностью объяснена в рамках психологического подхода. Равным образом эта привлекательность обусловлена тем, что дискурсы скандала позволяют непосредственным и опосредованным участникам скандальной коммуникации задействовать особые герменевтические стратегии, которые обладают известной привлекательностью: языковые игры сегодня как никогда популярны в обществе.

Мы полагаем, что одним из наиболее успешных герменевтических стратегий популяризации скандальной коммуникации является карнавализация скандала, а именно придание дискурсу признаков «вербального кар-

навала». Реализации этой стратегии способствует ряд качеств коммуникации в сети Интернет, позволяющих с легкостью перенести в виртуальную среду паттерны карнавального поведения:

1. Потенциальная анонимность участников коммуникации: в случае классического карнавала анонимность обеспечивалась использованием масок и карнавальных костюмов, препятствующих узнаванию, в вербальном карнавале эти функции выполняет псевдонимный *nickname* участника.

2. Усвоение комментаторами игровых ролей, которые если полностью не соответствуют карнавальным ролям, то находятся с ними в известной корреляции. Набор таких ролей может быть достаточно значительным, он зависит не только от специфики конкретного скандала, но и от личных предпочтений участников коммуникаций.

3. Травестирование принятых в обществе иерархических кодов, позволяющее формировать в виртуальном пространстве карнавальные, по сути – шутовские аналоги иерархических страт, так, например, карнавальному королю, судье и епископу в определенной степени соответствуют роли «академика», пишущего с нарочитыми грамматическими ошибками, авторитетного эксперта, гордящего очевидную для всех ахинею, адепта-поклонника, своими комментариями явно и целенаправленно дискредитирующего предполагаемый объект поклонения, борца с конспирологическим заговором, транслирующего очевидно нелепые и бессмысленные конспирологические мифологемы и т. д.

4. Возникновение интерпретационных интервалов: одни и те же события, тексты интерпретируются различно в зависимости от принадлежности интерпретаторов к разным референтным группам и задаваемых этими группами ситуаций, определяющих характер интерпретации.

Когда журналисты комментировали достаточно модернистские взгляды и инициативы архиепископа Кентерберийского Роуэна Уильямса, то в элегантно результирующем замечании о том, что его основная проблема состоит в том, что он не может запомнить, что является архиепископом Кентерберийским, присутствует явная ироническая заинтересованность, соединенная с отстраненностью и соответствующим модусом восприятия и оценки проблем. Для комментариев со стороны тематика и содержание высказываний архиепископа вполне служат источником материала для острот, фельетонов, скетчей. Для самих внутрицерковных партий, серьезно вовлеченных в происходящее, особенно для консерваторов, ситуация явно была не развлекательной, а напряженной, проблематичной, наконец, откровенно драматической.

Понтификат папы Франциска стал безусловно напряженным и драматичным для всех, серьезно вовлеченных в церковную жизнь, от иерархов до мирян. Катастрофичными событиями этого понтификата стали для традиционалистского церковного крыла: общее наращивание реформистского курса, фактический запрет Тридентской мессы, двусмысленные и провока-

тивные заявления относительно однополюх отношений означали фактически постановку точки не только в и без того не очень продуктивном диалоге последовательных традиционалистов (в лице Братства Св. Пия X) и официального Ватикана, но и угрозу для существования ряда компромиссных организаций. Если при осторожном и относительно консервативном Бенедикте XVI речь уже зашла о возможности подписания предварительных документов с Братством, то однозначная церковная политика Франциска свидетельствует в пользу пессимистического взгляда: полная безрезультатность попыток диалога. Несколько загадочный уход папы Бенедикта на покой и дальнейшее сосуществование правящего папы и «папы на покое» (ситуация нетипичная для восприятия) внутри церкви воспринимались как серьезная и даже драматичная проблема. Но чем больше возрастает расстояние от центра событий к «периферии наблюдения», тем больше меняется восприятие вещей. Уже анонс книги арх. Г. Генсвайна инициировал очередную волну внутрицерковного скандала (если учесть, что наиболее яркие инициативы Франциска еще ранее порождали скандал), т. к. предполагалось откровенное повествование о напряженных отношениях двух пап и, в частности, о критической позиции Бенедикта по отношению к Франциску; это вызвало драматичное восприятие среди тех, кто всерьез озабочен церковной ситуацией, но для внешней читающей публики такого рода невеселая книга была просто очередным сочинением в жанре «разоблачения», которое обещает интересное и в целом именно развлекательное (хоть и со скандальными семантическими обертонами) чтение, вроде известной книги Д. Яллопа о смерти Иоанна-Павла I, являющейся не столько журналистским расследованием, сколько художественной литературой. Сочинения такого рода в первую очередь инициируют серьезные размышления о церковном курсе, но на другом полюсе семантического диапазона оказываются просто подборкой скандально-развлекательных фактов, воспринимаемых на фоне муссируемых СМИ скандальных сплетен о жизни куриальных кардиналов и т. п., не содержащих, несмотря на деланный пафос, никаких проблематизирующих и конструктивных посылов. Дальше находятся только повествования о «папессе Иоанне» и «ужасах двора Борджиа», о которых не случайно сняты два сериала с массой грубых исторических ошибок, впрочем, простибельных для массового развлекательного кинематографа.

Вообще «ватиканские конфликты», тяжкие для многих, особенно с учетом переживания их как имеющих значение для спасения душ, воспринимаются извне как своеобразная игра с большим развлекательным потенциалом. Яркий пример этого – сериалы «Молодой папа» и «Новый папа». С одной стороны, их создатели достаточно точно представляли проблемы постсоборного Ватикана и католицизма в целом; после смерти Иоанна-Павла II среди консервативных католиков действительно присутствовали надежды, что следующим папой все же станет Пий XIII (фраза из фильма: «Пий XIII меняет курс»), так что появление в сериале папы с таким именем совершенно не случайно, как и сформулированный в одной из серий новый

ультраконсервативный курс, который в принципе, с учетом упрощений, соответствует традиционалистским надеждам – как спасительный для Католической церкви. Также и шаржированный персонаж – Франциск II – связан с достаточно хорошим пониманием не только специфики реформистского курса, но и конечной ценности полупопулистских акций с отзвуками теологии освобождения и т. п. Многими же эти сериалы рассматривались безрефлексивно, как чистый увлекательный вымысел, привязка которого к церковным реалиям является условностью (подобно тому, как сериал об эксцентричном цинике докторе Хаусе мог бы быть построен не на медицинском материале).

Аналогичным образом в рамках игрового паттерна многими воспринимаются информационные скандалы, возникающие в маргинальных кластерах православной семиосферы. Наиболее ярким примером последнего является реакция информационной среды на одиозные и экстравагантные заявления и акции Н.В. Романова, бывшего схиигумена Сергия. Анализ интенсивности комментирования и содержания комментариев, размещенных в YouTube, позволяет сделать вывод о том, что наибольший интерес вызвали следующие сюжеты:

1. «Крестный забег» по аналогии с крестным ходом.
2. Пение послушницами здравниц И.В. Сталину («Выпьем за родину, выпьем за Сталина...»).
3. Танцевальный номер с лентами в исполнении послушницы.
4. Провокативное заявление об «антихристе с силиконовой маской».

Анализ комментариев позволил выделить три значительные группы комментаторов:

- не критично воспринимающих любые, даже самые экзотические и экстравагантные действия Н.В. Романова, пытающихся найти в них глубокий духовный смысл,
- критикующих Н.В. Романова как раскольника, псевдостарца, некомпетентного в духовных вопросах человека, возможно находящегося в прелести,
- воспринимающих происходящее как игровое развлекательное действие, одновременно – как повод для остроумия.

Именно последний тип комментариев соответствует восприятию чудачеств бывшего схиигумена в рамках игрового паттерна. Монашеские и послушнические облачения участников акций, наличие иной религиозной и, в частности, монастырской семиотики, воспринимаются в этом случае как театральные декорации и реквизит, как часть художественного оформления сценического игрового действия.

Приведем несколько наиболее показательных комментариев, размещенных зрителями видеоматериала «Отлученный схиигумен Сергей бежит в Царствие Небесное! С соратниками!» [3].

«Вы из какого общества, товарищи?»

- Трудовые резервы.
- А что, “Динамо” бежит?
- Все бегут».

Очевидно, что парафраз диалога из советского художественного фильма «Джентельмены удачи» (1971), использованный в качестве тела комментария, свидетельствует об игровом восприятии события современного псевдо-монастырского быта.

В других комментариях игровые паттерны восприятия ситуации выражены более явственно. Так, например, комментаторы восприняли происшедшее как игровую реконструкцию, в частности: «Такое ощущение, что я смотрю какую-то реконструкцию из исторического фильма!!!!». Подобным значением обладают и интерпретации события в качестве игрового ремейка культового произведения Толкиена, ставшего основой для многочисленных подражаний, игровых реконструкций, компьютерных игр и различных произведений массовой культуры: «Гэндальф Белый гонит орков в Мордор. Конспирация высшего магического уровня».

Можно предположить, что для развития скандала оказалось продуктивным изначально инверсивное противоречие между относительно низким иерархическим статусом Сергея и его восприятием адептами: сформировалась ситуация, когда некий элемент иерархии обретает главенствующие свойства, формально оставаясь на прежней, подчиненной позиции [6].

Деятельность В. Чудинова, «новый подход в науке», сформировала два четко разделенных «лагеря» заинтересованных: сторонников и безусловных противников, относящих автора концепции и его сторонников к числу «лингвофриков» [10]. Существовала и небольшая группа тех, кто декларировал уважительное отношение к Чудинову как личности при неприятии его научных изысканий и новаций [1]. «Феномен Чудинова» интересен не в последнюю очередь как образец использования провозглашенного «возвращения к давно утраченным основам» славянской цивилизации в качестве прикрытия для популяризации вымышленных авторских конструктов, ни к традиции, ни к архаике отношения не имеющих. Таким образом фундаменталистская риторика используется для пропаганды псевдо-модернистских мифологем [2].

В этом отношении показательно появившееся в 2009 г. ЖЖ-сообщество «Чудинология», в материалах которого (включая комментарии как полноценную часть дискурса) соединились две тенденции [9]. С одной стороны, публиковались материалы с серьезной научной критикой (при этом комментарии могли быть сочувственными по отношению к материалу, но выдержаны в рамках семиотики комического), с другой – происходило чистое вышучивание, без каких-либо допущений хотя бы потенциальной серьезности сообщений про различные «-глифы» (геоглифы, вегетоглифы и т. п., которые обобщенно называли чудиноглифами, предложив описать еще и такие «-глифы», расположение которых связано с телесным низом – ход типично карнавальным). Появляется и игровая лексика (помимо активного

использования так называемого «олбанского языка» – например, «всем застрелиццо», «окодемег»), так, используются производные с префиксом «об-» (и его алломорфами), который в русском языке часто добавляется к корням с негативной семантикой (ср.: «обругать», «обделать», «оболгать»): «обчитать». Несмотря на семантическую нейтральность корня, указанный префикс провоцирует появление семантических коннотаций, усматриваемых по аналогии с уже привычными словами вроде «опачкать», что создает семантическую игру, мерцание между приличным и неприличным уже не вполне. Периодически использовались междометия вроде «Чу-чу-чу» с семантическими трансформациями, например, в качестве имени. Встречаются и лозунги вроде «За Фасмера», чье имя маркирует классику академической лингвистики. Для «экспертного прочтения» Чудинову предлагались слегка обработанные фотографии оштукатуренной стены, кожи слона – с обсуждением результатов таких дешифровок. В качестве микрожанров, формирующих дискурс, использовались словари («Краткий толковый словарь чудинолога») и юбилейные поздравления. Формируется типичная ситуация с разоблачением карнавальной псевдофигуры (это может быть лекарь, астролог и т. п.). Около 2016 г. первая, научно-критическая тенденция ощутимо минимизируется, уступая место второй, и публикации, и комментарии в основном начинают соревноваться в изощренности остроумия. Причины отказа от серьезного анализа публикаций Чудинова, по-видимому, состоят, в усиливающейся фольклоризации темы, меняющей семиотическую презентацию в соответствии с принципами динамики фольклора (так, классическая научная статья предполагает выраженное индивидуальное авторство и плохо инкорпорируется в дискурс фольклора), и в переходе Чудинова на чтение гелиоглифов и прочих «-глифов» в «гонимом мире», что в принципе исключает научную критику, переводя всю ситуацию в регистр чистой эзотерики. Игровой компонент становится ведущим [8]. Поскольку в сообщениях Чудинова становится все меньше новизны, они стандартизируются, то и втягивать их в игру с заметным эффектом становится труднее, структурные элементы игрового сценария стабильны, но игровой материал становится рутинным, что для игры нежелательно. В итоге регулярность появления и объем материалов (включая и количество комментариев, диалоги участников в комментариях) на указанном ресурсе снижаются. Участники использовали вполне узнаваемые карнавальные маски в виде юзерпиков (часто подчеркнута комическое свойство, например, с изображением Ипполита из фильма «Ирония судьбы», генерала в исполнении А. Булдакова из «Особенностей национальной охоты»), никнеймов и пародийных самохарактеристик, не подразумевающих никакого серьезного отношения (к самим маскам, но не к мнениям, высказанным теми, кто является хозяином маски, реализовывался старый методологический принцип: важно не кто сказал, а что было сказано). Чудинов, периодически отвечая на деятельность «Чудинологии» такое отношение проявлял или по меньшей мере имитировал, повышая значимость собственного образа жалобами и намеками на

то, что из-за эпохальной важности его исследований против него ведут борьбу некие могущественные силы. Иногда тексты комментариев содержали использование самых разных языков (например, при пасхальном поздравлении), что дополнительно подчеркивало и лингвистическую компетентность участников и их позиционирование в качестве защитников академической лингвистики, озабоченных проблемой вторжения «новых учеников».

Сообщество реагировало и на сдвиги взглядов, например, на учащение попыток Чудинова сблизиться с кругами «новых хронологов», хотя в этом случае взгляды на вопросы о древности событий оказывались существенно различными.

Показательно, что после смерти В. Чудинова «наследники его дела», позиционирующие себя в качестве носителей ведического эзотеризма, не смогли сохранить интерес аудитории, поскольку не обладали харизмой «странного профессора»: в их интерпретации лженаучные концепты перестают быть интересными даже и в качестве игрового феномена. Нелепость ситуации была обострена обнародованием семейных неурядиц Чудинова, которое привело к войне компромата, в которую включились как сторонники Чудинова, так и адепты другой стороны: все это не только способствовало дискредитации сторон, но и предало скандалу стилистику скоморошества, сопровождалось соответствующими разнообразными комментариями, задействующими низкие языковые регистры и семиотику телесного низа.

По близкому сценарию происходило карнавальное травестирирование дискурсов «дятловедения», т. е. попыток «разгадать тайну Перевала Дятлова» в публикациях пародийного интернет-сообщества «Первый информационно-завлекательный дятловский единый центр» [4]. Отсылка к семантике и прагматике карнавала содержится уже в названии: эпитет «завлекательный» не только входит в семантическое поле «соблазн», но и ассоциативно по созвучию и морфологической структуре связан с развлечением, «завлекательный»-«развлекательный», тогда как карнавал прежде всего является развлекательным действием. Участники «дятловедческих дискуссий» позиционируют себя как преданных и убежденных адептов «дятловедения», что позволяет им в гипертрофированном, карнавальном виде представить «современное дятловедение» как феномен массовой культуры характеризующийся тягой к сенсациям, алогичными выводами, низкой речевой грамотностью и т. д. [5]. Подобные языковые игры способны формировать инвертивные версии дятловского мифа, что, в итоге, приводит к разрушению существующего мифологического комплекса [7], образованного но-стальгическими и героическими мифологемами.

Очевидно, что популярность информационных скандалов, особенно развивающихся в сети Интернет, обусловлена не в последнюю очередь тем, что скандальная коммуникация способствует реализации игровых стратегий, что превращает участие в скандале в увлекательную игру, способную

не только развлечь участников, но и стать поводом для проявления остроумия, создания игровых текстов и т. д.

Список литературы

1. Вести с полей [Электронный ресурс]. URL: <https://chudinologia.livejournal.com/456241.html> (дата обращения: 28.02.2023).
2. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм/Религиозный модернизм: Концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 1 (57). С. 87–97
3. Отлученный схиигумен Сергей бежит в Царствие Небесное! С соратниками! [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_NNk9T0rdnw (дата обращения: 28.02.2023).
4. Первый информационно-завлекательный дятловский единый центр [Электронный ресурс]. URL: <https://perdyat.livejournal.com/> (дата обращения: 28.02.2023).
5. Прилуцкий А.М., Лебедев В.Ю. Семантика и семиотика мифологизированного информационного скандала. СПб.: ООО «МедиаКросс», 2021. 159 с.
6. Севостьянов Д.А. Инверсивный анализ в управлении. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2017. 287 с.
7. Турьшева О.Н. Гибель группы Дятлова в литературной мифологии и искусстве: от героизации – к профанации трагедии // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 612–628.
8. Чудинов и Толкиен [Электронный ресурс]. URL: <https://chudinologia.livejournal.com/20550.html> (дата обращения: 28.02.2023).
9. Чудинология [Электронный ресурс]. URL: <https://chudinologia.livejournal.com/profile> (дата обращения: 28.02.2023).
10. Шутяк М. А. Разоблачение лингвофричества как способ обучения работе со словарями // Лепта: ежегодный научно-методический альманах. Вып. 6. Омск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», 2021. С. 48–52.

ENTERTAINMENT POTENTIAL OF A MYTHOLOGIZED INFORMATION SCANDAL

V.Y. Lebedev¹, A.M. Prilutskij²

¹Tver State University, Tver

²Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

An information scandal as a special form of communication allows participants in scandalous communication to use the strategies of a language game. The implementation of this strategy makes it possible to transfer patterns of carnival behavior to the virtual environment. As a result of carnivalization, an information scandal turns into a bright, often exciting game action, the format of which allows communication participants to implement various roles and game strategies. The article analyzes the perception of information scandals caused

by modern trends in the life of Western Christian denominations (Catholicism, Anglicanism), which are formed on the margins of Orthodox culture, due to the development of pseudoscientific trends and phenomena of mass culture.

Keywords: *carnival, informational scandal, mythologized scandal, entertainment function.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии, Институт педагогического образования, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. С.-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD (Philosophy), docent, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD (Philosophy), Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2023.